

RU

Субстантивные предложения как средство выражения британскими политиками суждений о своей идентичности (на материале стенограмм заседаний парламента Великобритании за 2020 г.)

Кукшинова Е. Н.

Аннотация. В статье рассмотрены семантико-структурные особенности английских субстантивных предложений, посредством которых британские политики вербализуют суждения о своей идентичности в парламентском дискурсе. Внимание сфокусировано на субстантивных предложениях со структурой «S (Pr) + P (Vfcop + N)», которые реализуют пропозицию P(x) с семантикой «приписывание признака субъекту суждения». Цель исследования – определить, какое представление о говорящем как о носителе идентичности формируется с помощью данных предложений в зависимости от их семантико-структурных свойств. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем выделены и описаны различные по своим семантико-структурным характеристикам типы субстантивных предложений, выявлена их корреляция с вербализацией определенных сведений об идентичности говорящего. В результате исследования установлено, что при актуализации английских субстантивных предложений разного типа создается различный формат восприятия говорящего, который может выступать как репрезентант определенной категории людей с типичными для этой категории признаками и свойствами; как единое целое с сообществом людей, обладающих одинаковыми характеристиками; как носитель весьма неопределенных свойств и характеристик, присущих всем членам группы, к которой относится и сам говорящий.

EN

Substantive sentences as a means used by British politicians to express their identity judgments (based on the transcripts of the British Parliament meetings for 2020)

E. N. Kukshinova

Abstract. The paper examines the semantic-structural characteristics of substantive sentences used by British politicians when verbalizing their identity judgements in parliamentary discourse. Attention is focused on the substantive sentences with the structure “S (Pr) + P (Vfcop + N)” implementing the proposition P(x) with the semantics “attribution of a feature to the subject of judgment”. The aim of the study is to determine what view of the speaker as an identity holder is formed by means of these sentences, depending on their semantic-structural properties. The scientific novelty of the study lies in the fact that it identifies and describes types of substantive sentences that differ in their semantic-structural characteristics and reveals their correlation with the verbalization of certain information about the speaker’s identity. As a result of the study, it is found that in English substantive sentences of different types a different format of the speaker’s perception is created: the speaker can act as a representative of a certain category (group) of people, as a single whole with a community of people sharing the same characteristics, as an owner of rather vague properties and characteristics inherent in all members of the group to which the speaker himself belongs.

Введение

Проблема вербализации идентичности личности в различных лингвокультурных и дискурсивных условиях занимает одно из центральных мест в современных лингвистических исследованиях. Интерес к данной проблеме обусловлен тем, что идентичность по своей когнитивной природе является сложным ментальным

образованием, в структуру которого входят разнообразные сведения как о самой личности и ее социальной активности, так и о других членах социума (Гришаева, 2007, с. 126). Анализируя механизмы вербализации, с помощью которых объективируются эти сведения, лингвисты получают доступ к познанию ментальной структуры идентичности говорящего, выявлению ее наиболее значимых компонентов.

На данный момент в отечественной и зарубежной лингвистике накоплен обширный опыт в исследовании лексико-семантических, фонетических, словообразовательных и морфологических особенностей единиц языка как средств выражения и описания идентичности (Бражникова, 2023; Гришаева, 2007; Копоть, 2021; Лаппо, 2013; Полонянкина, 2022; Dijk, 2010; Kleinke, Bös, 2018; Wodak, De Cillia, Reisigl, 1999). Вместе с тем синтаксические механизмы вербализации идентичности на сегодняшний день являются мало разработанными (Гришаева, 2007; Катанова, 2009; Норман, Плотникова, 2016) и поэтому требующей более глубокого анализа областью исследования. Необходимость изучения конструкций, с помощью которых человек объективирует суждения о собственной идентичности, определяется также тем, что различные синтаксические структуры обладают разной синтаксической семантикой и способностью активизировать разные комплексы сведений о мире. Благодаря данной особенности говорящий, осуществляя осознанно или неосознанно выбор одной из структур, может по-разному профилировать сообщаемую информацию, задавая определенную перспективу ее восприятия адресатом (Гришаева, 2007; Brinkmann, 1971). Описанные выше причины обуславливают актуальность темы настоящего исследования.

Объектом данного исследования являются наиболее распространенные синтаксические структуры, используемые в вербальных актах суждения об идентичности, – субстантивные предложения типа «S (Pr) + P (Vf_{cop} + N)», реализующие пропозицию P(x) с семантикой «приписывание признака субъекту суждения». Названные структурные типы предложений выделяются, вслед за Х. Бринкманном, в зависимости от характера предикатива (Brinkmann, 1971).

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) провести семантико-структурный анализ субстантивных предложений (СП), которыми вербализуются суждения об идентичности в парламентском дискурсе, и выявить типы СП с различными семантико-структурными характеристиками; 2) определить, какая информация вербализуется из ментальной структуры идентичности говорящего различными типами СП; 3) изучить, как семантико-структурные особенности СП разного типа влияют на восприятие информации, сообщаемой о говорящем как о носителе идентичности; 4) установить, какие типы СП наиболее востребованы в парламентском дискурсе.

Материалом исследования послужили 300 субстантивных предложений, извлеченных при сплошной выборке из стенограмм заседаний парламента Великобритании за 2020 г., опубликованных в Интернете на сайте www.publications.parliament.uk. Обращение к данному материалу позволяет проследить, какие механизмы вербализации суждений об идентичности используют британские политики для решения своих когнитивных и коммуникативных задач в парламентской коммуникации, отличающейся институциональностью и регламентированностью, агональностью и особыми приемами воздействия на сознание и поведение адресата (Ширяева, Триус, Багян, 2020).

Для решения сформулированных задач в работе применялся ряд методов. При классификации, интерпретации и обобщении языкового материала использовался описательный метод. При выявлении семантико-структурных особенностей СП применялись методы грамматико-семантического, лексико-семантического, семантико-синтаксического и структурного анализа. Интерпретация значения СП и его компонентов в условиях парламентской коммуникации осуществлялась с помощью методов контекстуального и дискурсивного анализа. Выявление доли СП с определенными семантико-структурными характеристиками в общей выборке и в количестве структур, представляющих суждения о соответствующем аспекте идентичности, производилось методом количественного анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, выполненные в русле когнитивно-дискурсивного подхода. К их числу относятся публикации, посвященные анализу механизмов вербализации сведений из ментальной структуры идентичности (Гришаева, 2007; 2023; Лаппо, 2013), исследования структуры и семантики предложения (Арутюнова, 1988; Березина, 2022; Золотова, 2010; Кубрякова, 1986), а также работы, предлагающие когнитивную интерпретацию частей речи и лексико-грамматических разрядов имен существительных (Калинина, 2009; Кобрина, Болдырев, Худяков, 2007; Кубрякова, 2004; Givon, 1979; Wierzbicka, 1988).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы при написании научно-исследовательских работ, в преподавании вузовских курсов теоретической грамматики, когнитивной лингвистики, теории межкультурной коммуникации.

Обсуждение и результаты

В основе построения предложения, репрезентирующего суждение об идентичности говорящего, как и в основе создания других видов предложений, лежат два основных механизма: синтаксический и номинативный (Кубрякова, 1986). Механизм синтаксирования управляет созданием линейной схемы развертывания синтаксической конструкции и оформлением пропозиции; «он ведает распределением синтаксических ролей выбранных в предречи обозначений, их функциональной нагрузкой при определении актуального членения

предложения и т. д.» (Кубрякова, 1986, с. 146). Механизм номинации управляет поисками надлежащих единиц номинации, черпаемых из лексикона говорящего, их выбором из арсенала системно организованных средств или их созданием по действующим в системе языка правилам. Оба механизма находятся в постоянном взаимодействии и согласовании (Кубрякова, 1986).

Как показали специальные исследования (Гришаева, 2007; Кубрякова, 2004), потенциально возможные конструктивные и номинативные единицы языка, из которых говорящий в процессе коммуникации выбирает или создает нужные ему средства, в содержательном и прагматическом отношении не являются тождественными. Их употребление активизирует у адресанта различные комплексы сведений о мире, «обуславливая в конечном итоге разный перлокутивный эффект от использования языковых средств» (Гришаева, 2007, с. 169). Поэтому, выражая суждение о своей идентичности, говорящий может варьировать имеющиеся в его распоряжении средства языка и определенным образом профилировать информацию о своей идентичности. В связи с этим представляется, что для адекватной интерпретации информации, сообщаемой в субстантивных предложениях, необходимо провести их семантико-структурный анализ, изучив синтаксическую семантику данных структур, а также частеречную, грамматическую и лексическую семантику их составляющих.

Для решения этой задачи анализируемые нами субстантивные предложения были представлены в виде структурной схемы «S (Pr) + P (Vf_{cop} + N)», в которой Pr – личное местоимение первого лица в позиции синтаксического субъекта S; Vf_{cop} – глагол-связка, N – имя существительное в предикативной позиции, образующие совместно составное именное сказуемое P.

Как уже упоминалось выше, рассматриваемые предложения с логико-семантической точки зрения представляют собой один из способов вербализации пропозиции P(x) с семантикой «приписывание признака субъекту суждения». Отличительная особенность данных предложений состоит в том, что субъектом выражаемого ими суждения является сам говорящий. При этом говорящий может выступать как отдельный индивид или как часть группы людей, объективируя таким образом сведения соответственно о личной или коллективной идентичности. Языковыми средствами выражения субъекта суждения служат личное местоимение единственного числа *I/я* и личное местоимение множественного числа *we/мы* в референции к единичному говорящему, выполняющие функцию синтаксического субъекта. Личное местоимение единственного числа *I* в силу своей грамматической семантики обозначает коммуникативную роль единичного говорящего. Обладая четкой референтной связью, обсуждаемое местоимение однозначно референтно к говорящему и тем самым обеспечивает для адресата безошибочную идентификацию говорящего как автора данного суждения и носителя определенного признака. Личное местоимение *we*, в отличие от местоимения *I*, обладает менее четкой референтной связью (Kleinke, Bös, 2018, p. 154). *We* может включать как всех участников коммуникации, в том числе слушающего (инклюзивное *we*), так и определенную группу лиц, в которую входит говорящий, но не входит адресат (эксклюзивное *we*). В результате использования данного местоимения личность говорящего мыслится несколько более абстрактно, чем в случаях с местоимением *I*. Таким образом, благодаря использованию местоимения *I* в центре внимания адресата оказывается сам говорящий, использование местоимения *we* позволяет переключать фокус внимания адресата с личности говорящего как единичного индивида на группу людей, членом которой он является (Катанова, 2009, с. 10).

Функцию связки между субъектом суждения и его признаком выполняют копулятивные глаголы, которые вместе с именной предикативной частью образуют составное именное сказуемое.

Копулятивные глаголы выражают грамматические значения времени, лица, модальности и т. д., однако при этом они не утратили полностью своего вещественного значения и служат для передачи разнообразных оттенков проявления признака (Пивненко, 1956, с. 4-5; Смирницкий, 1957, с. 121). Изучение темпоральных характеристик копулятивных глаголов в СП позволит определить, к какой временной сфере (прошлого, настоящего или будущего) относится активизируемый признак личности говорящего, рассмотрение содержательных характеристик связочных глаголов поможет выявить оттенки проявления признака, значимые для говорящего в момент оязыковлени суждения о его идентичности.

Как показал анализ материала, в изучаемых субстантивных структурах глаголы-связки представлены двумя единицами: *to be / быть* (96,4%) и *to become / становится* (3,6%). Оба связочных глагола характеризуются высоким уровнем грамматизации и обладают широкой сочетаемостью. Вместе с тем их лексическое значение хоть и предельно ослаблено, но полностью не утрачено. Так, связочный глагол *to be* сохранил за собой значение существования – самое отвлеченное понятие процесса или действия (Пивненко, 1956, с. 5), а глагол-связка *to become* – значение становления, изменения признака, перехода из одного состояния в другое.

Основное вещественное значение составного именного сказуемого выражает именная предикативная часть. Она несет на себе основную смысловую нагрузку и поэтому требует более детального изучения.

При изучении именного компонента сказуемого прежде всего необходимо обратить внимание на его частеречную семантику, так как последняя оказывает существенное влияние на восприятие значения всего предложения (Brinkmann, 1971). Данное обстоятельство связано с тем, что разные части речи в категориальном или содержательном планах не являются тождественными, т. к. они объективируют структуры знания, принадлежащие разным онтологическим категориям (Кубрякова, 2004, с. 286). Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, «разные части речи есть такое отражение реальности, в котором наша интуиция заставляет нас обратить внимание то на ее стабильные сущности *in presentia*, то на происходящие в ней изменения и их причины, на отношения между этими стабильными сущностями с их взаимодействием, а также обозначить то участников определенной ситуации, то саму ситуацию в целом или ее “переменные”» (2004, с. 279).

Что касается имен существительных, то они в силу своей категориальной семантики обозначают предметность и выражают константные характеристики объекта (Гришаева, 2007; Кубрякова, 2004; Givon, 1979), характеристики стабильные и важные, значимые для него в целом (Wierzbicka, 1988, p. 471). В тесной взаимосвязи со значением существительных, которые занимают позицию в предикативе анализируемых нами субстантивных предложений, формируется и значение данных синтаксических структур.

Важную роль в передаче информации о реальной действительности и построении языковой картины мира играют и лексико-грамматические разряды имен существительных. Лексико-семантические значения и грамматические особенности существительных, относящихся к разным лексико-грамматическим разрядам, оказывают значительное влияние на формирование и интерпретацию смысла высказываний, оформленных субстантивными предложениями, и поэтому заслуживают особого внимания.

В зависимости от лексико-семантических и грамматико-семантических свойств все существительные, занимающие позицию в предикативе СП, в процессе анализа были отнесены к пяти семантическим подклассам: 1) нарицательные, исчисляемые, конкретные, одушевленные; 2) нарицательные, исчисляемые, конкретные, неодушевленные; 3) нарицательные, абстрактные, одушевленные или неодушевленные; 4) нарицательные, собирательные, одушевленные или неодушевленные; 5) имена собственные (Кобрина, Болдырев, Худяков, 2007).

На основании принадлежности существительных как основного смыслового компонента составного именного сказуемого к разным семантическим подклассам, с учетом форм и значений языковых единиц, выступающих в качестве синтаксического субъекта и глагольной связки, субстантивные предложения, представляющие суждения об идентичности в парламентском дискурсе, были подразделены на пять семантико-структурных типов.

Субстантивные предложения типа «S (Pr_{pers-1/we}) + P (Vf_{cop-be/become} + N_{concrete-animate})»

Наиболее распространенной в изучаемом материале оказалась группа СП типа «S (Pr_{pers-1/we}) + P (Vf_{cop-be/become} + N_{concrete-animate})». В функции синтаксического субъекта в них используются местоимения первого лица единственного или множественного числа *I* или *we*. Глаголы-связки представлены глаголами *to be* и *to become*. В позиции предикатива употребляются существительные нарицательные, исчисляемые, конкретные, одушевленные (*director/директор, member/член, child/ребенок, father/отец*) в прямом лексическом значении. Как известно, отличительным свойством нарицательных существительных является способность обозначать широко известные объекты действительности и причислять называемые объекты к классу подобных. Наричательные существительные с конкретным значением призваны называть самоценные в человеческом представлении объекты, т. е. объекты, значимые для человека даже в одном отдельном экземпляре (Калинина, 2009, с. 244). Как подчеркивает Л. В. Калинина, существительные данной группы обладают большой совокупностью грамматических возможностей, что делает их универсальным разрядом существительных, которые «способны передать в языке практически все разнообразие материального предметного мира» (2009, с. 246). Имена существительные с описанными характеристиками выполняют в анализируемых предложениях классифицирующую функцию, в результате чего субъект идентичности выглядит как типичный представитель определенной категории лиц со всеми присущими данной категории константными признаками и свойствами.

Для того чтобы получить важную информацию из ментальной структуры идентичности субъекта и выявить те признаки идентичности, которые в момент выражения соответствующего суждения релевантны для целей его коммуникации, необходимо обратиться к лексической семантике существительных в функции предикатива. Лексико-семантический анализ данных существительных представляется значимым, поскольку лексемы с разным лексическим значением могут служить маркерами различных аспектов идентичности (ипостасей личности) говорящего: профессионального, идеологического, регионального, национального, возрастного, семейно-ролевого и т. д.

В зависимости от лексической семантики существительные, зафиксированные в предикативе рассматриваемых СП, отнесены к следующим тематическим группам: 1) существительные, называющие человека по профессии, роду занятий, должности, титулу; обозначения членства в специализированном комитете или обществе, членства в парламенте; 2) обозначения лиц-сторонников каких-либо общественных, политических, идеологических течений, направлений, движений (*libertarian / сторонник доктрины о свободе воли, supporter/приверженец, Eurosceptic/евроскептик, Brexiteer/брекзитер*); 3) наименования лиц по принадлежности к определенной политической партии (*Conservative/консерватор, Democrat/демократ*); 4) существительные, обозначающие человека по отношению к религии (*Anglican/англиканец, Catholic/католик*); 5) названия лиц по отношению к территории, месту рождения или проживания (*midlander / житель центральных графств Великобритании, Scouser/ливерпулец*); 6) существительные, обозначающие периоды жизни человека (*child/ребенок, teenager/подросток, baby/малыш*); 7) термины родства (*father/отец, wife/жена, parent/родитель*). Данные группы существительных употребляются в прямом значении, однозначно указывая на тот или иной аспект идентичности говорящего.

Количественный анализ показал, что обсуждаемый тип СП используется в 70% предложений, оязыковляющих суждения о профессиональной (32%) и идеологической идентичности (19%), при активизации сведений о нескольких аспектах идентичности (8%), а также при вербализации информации о возрастной (4%), национальной (3%), региональной (2%) и семейно-ролевой (2%) идентичности.

Рассмотрим особенности данного типа СП на примере предложений, содержащих суждения о профессиональной идентичности коммуникантов. Как показал анализ материала, данные структуры свойственны

91% предложений, активизирующих суждения об упомянутом аспекте идентичности парламентариев. При этом в 89% случаев субъект суждения обозначен местоимением *I*, а в 2% случаев – местоимением *we*, что коррелирует с объективацией информации о личностной и коллективной идентичности коммуникантов соответственно. В 80% примеров членами парламента используется копулятивный глагол *to be*, глагол *to become* употребляется в 11% примеров. Рассматриваемые предложения в 54% случаев отражают содержание ретроспективной проекции идентичности, т. к. объективируют сведения из сферы прошлого. В качестве маркера ретроспективной проекции выступает прошедшее неопределенное время глагола в изъявительном наклонении или темпоральная семантика некоторых существительных и прилагательных, таких как *child/ребенок*, *former/бывший*. В 32% случаев объективируется содержание из оперативной проекции идентичности. В таких предложениях актуализируемый признак личности соотносится со сферой настоящего и маркируется с помощью настоящего неопределенного времени глагола в индикативе. В 5% случаев представлена информация из ретроспективной и оперативной проекций одновременно. В подобных предложениях копулятивный глагол принимает форму Present Perfect в инклюзивном значении. В отношении данной глагольной формы установлено, что она фактически покрывает два временных плана: ретроспективный и оперативный – и функционально пересекается с полем действия для Past Indefinite и Present Indefinite (Кобрин, Болдырев, Худяков, 2007, с. 87; Leech, 1971, р. 30-32). Отметим, что глагол-связка *to be* задействован при оязыковлении сведений из разных проекций идентичности, в то время как связочный глагол *to become* употребляется только при вербализации сведений из сферы прошлого.

Анализ показал, что для СП, вербализующих суждение о профессиональной идентичности, характерно использование лексических единиц, принадлежащих к тематической сфере «профессиональная деятельность личности»; это наименования лиц по профессии, по должности, по роду занятий (*chair/председатель*, *correspondent/корреспондент*, *director/директор*, *governor/губернатор*, *minister/министр*, *officer/служащий*, *programmer/программист*). Данные лексемы называют лицо по функции, которую оно призвано выполнять, они относятся к группе функциональных имен и представляют собой объективные обозначения лица. Их использование, по-видимому, свидетельствует о том, что члены британского парламента стремятся представить информацию о своей профессиональной идентичности как более достоверную и объективную.

Значительную часть предикативных существительных в рассматриваемой группе СП можно отнести и к реляционным именам (*chair/председатель*, *director/директор*, *governor/губернатор*, *member/член*, *minister/министр*), предназначение которых состоит в обозначении лиц по роду их отношений к другим лицам или предметам (Телия, 2002, с. 337). С помощью данных лексем в рассматриваемых предложениях актуализируется значение партитивных отношений между говорящим и группой людей, исполняющих те же профессиональные функции, а также значение равноправных или неравноправных отношений между говорящим и другими субъектами парламентской деятельности.

Как показывает анализ эмпирического материала, для существительных, выступающих в предикативной функции, свойственно наличие препозитивных или/и постпозитивных атрибутов.

В числе препозитивных атрибутов обнаружены прилагательные-дескрипторы, обозначающие свойства лица (*simple/простой*, *new/новый*, *good/хороший*, *great/замечательный*, *humble/скромный*), и прилагательные-классификаторы, обеспечивающие соотношение лица с некоторой категорией лиц (*local/местный*, *financial/финансовый*, *former/бывший*, *political/политический*, *special/специальный*, *chief/главный*).

Tom Hunt: *I will speak to clauses 46 and 47, because I am a **good, well-behaved** Member of this House.* / Я буду говорить о пунктах 46 и 47, потому что я хороший, воспитанный член этой палаты (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. К.).

John Spellar: *Before I came into Parliament, I was a **national** officer in the electricians' and plumbers' union.* / До того, как я пришел в парламента, я был государственным служащим в профсоюзе электриков и сантехников.

Среди атрибутов, предшествующих предикативной единице, обнаружены также существительные, которые уточняют определяемое существительное, конкретизируя сферу трудовой деятельности говорящего (*finance/финансовое дело*, *police/полицейская служба*, *care/уход за пациентом*).

Kevin Hollinrake: *I, too, was a **school** governor – for six years at our local school.* / Я тоже был членом правления школы – на протяжении шести лет в нашей местной школе.

Постпозитивные атрибуты к существительным в предикативе выражены предложными группами со структурой «pN_{прор}, pNP_{прор}», включающими имена собственные. Последние в большинстве случаев представляют собой наименования комитетов, компаний, обществ, министерств или фондов (*the Public Administration and Constitutional Affairs Committee/Комитет по государственному управлению и конституционным вопросам*; *the Marine Conservation Society/Общество охраны морской среды*).

Karin Smyth: *I am also a member of **the Public Administration and Constitutional Affairs Committee**.* / Я также являюсь членом Комитета по государственному управлению и конституционным вопросам.

Как видно из приведенного примера, подобные наименования используются говорящим для того, чтобы определенным образом ограничивать круг людей, являющихся носителями той же профессиональной роли, что и он.

В целом, благодаря семантико-структурным особенностям рассматриваемых СП, политик, актуализирующий данные структуры, воспринимается адресатом как представитель определенной профессиональной категории людей, обладатель актуальных профессиональных компетенций, который способен успешно решать возложенные на него задачи.

Субстантивные предложения типа «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{collective})»

На втором месте по частотности употребления оказалась группа СП со структурой «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{collective})». Рассматриваемая группа предложений составляет 19% в общей выборке. В СП данного типа активизируются суждения о национальной (9,5%), региональной (4%), политической (2%), профессиональной (2%) и возрастной идентичности (0,5%), которая имеет коллективный характер, а также оязыковываются сведения о нескольких аспектах идентичности одновременно (1%).

Грамматический субъект в таких предложениях представлен личным местоимением первого лица множественного числа *we*, глагол-связка выражен глаголом *to be*, а присвязочный компонент – существительными, употребленными в значении нарицательных, собирательных, одушевленных.

В соответствии со своими семантико-структурными свойствами, существительные данного класса представляют собирательно-совокупную, недискретную, не поддающуюся счету или неопределенную множественность. Как отмечает В. Н. Дашкова, в семантическом аспекте собирательность – это множество лиц (или предметов), представленное как одно целое, как единица. Индивидуальность объектов в собирательном множестве игнорируется (Дашкова, 2013, с. 145).

В предикативе изучаемого типа предложений зафиксированы собирательные существительные со значением совокупности людей, которые связаны между собой какими-либо отношениями или общностью признаков и мыслятся как единство. В данной семантической группе существительных можно выделить несколько семантических подгрупп: 1) совокупность людей, связанных профессиональными или/и политическими отношениями (*ministry/министерство, parliament/парламент, government/правительство, party/партия*); 2) совокупность людей, связанных родственными отношениями (*family/семья*); 3) социальными отношениями (*society/общество*); 4) совокупность людей, объединенных по возрастному принципу (*generation/поколение*); 5) социальная общность людей, связанных исторически сложившимися условиями их возникновения или/и проживания, в т. ч. метонимические переносы (*nation/нация, people/народ, country/страна, borough/район, constituency / избирательный округ, city/город, town/городок, region/регион*) и метафорические переносы, осуществленные с помощью неодушевленных собирательных существительных, выступающих как одушевленные (*collection/коллекция, set/набор*).

Рассмотрим особенности СП данного типа, в которых оязыковываются суждения о национальной идентичности британских политиков.

Согласно данным анализа, этот тип СП характерен для 71% предложений, активизирующих суждения о национальной идентичности парламентариев. Субъект суждения во всех анализируемых предложениях обозначен местоимением *we*, с помощью которого объективируется информация о коллективной идентичности членов парламента. В качестве копулятивного глагола во всех примерах употребляется глагол *to be*. Рассматриваемые предложения в 59% случаев отражают содержание оперативной проекции идентичности парламентариев. Маркерами темпоральных проекций идентичности выступают средства реализации категории темпоральности: настоящее, прошедшее или будущее неопределенное время глагола в индикативе соответственно. В предикативной позиции зафиксирована группа существительных, значение которых можно определить как «общность людей, относящихся к одному государству» (*country / население страны, nation/нация, family/семья, union/союз, people / народ, население*).

Для большинства собирательных существительных, выступающих в предикативной функции, свойственно наличие препозитивного или/и постпозитивного атрибута.

В качестве препозитивных атрибутов широко используются прилагательные, содержащие оценочную сему в своей структуре или реализующие значение оценочности в контексте (*free/свободный, high-quality/высококачественный, rich/богатый, independent/независимый, huge/огромный*). Постпозитивные атрибуты представлены различными описательными оборотами со структурой «pNP» и значением качественной характеристики (*with limited national resources / с ограниченными национальными ресурсами*).

Lee Anderson: *We are a peaceful and tolerant nation.* / Мы – мирная и толерантная нация.

Jesse Norman: *We are a nation and a people with strength in depth.* / Мы – нация и народ, обладающие глубинной силой.

Таким образом, благодаря семантико-структурным особенностям рассматриваемых СП у адресата формируется представление о говорящем и остальных гражданах его страны как о едином гражданском сообществе, члены которого наделены одинаковыми качествами.

Субстантивные предложения типа «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{abstract})»

Третье место по частотности использования занимает группа СП со структурой «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{abstract})». Доля таких предложений составляет 8% в общем количестве примеров. В большинстве рассматриваемых предложений (7%) объективируются суждения о коллективной идентичности парламентариев, которая маркируется с помощью личного местоимения *we* в функции синтаксического субъекта. В качестве связочного глагола употребляется глагол *to be* в настоящем неопределенном времени как маркере оперативной проекции идентичности. Именная предикативная часть оформлена существительными нарицательными, абстрактными (*voice/голос, embodiment/воплощение, home/родина, part/часть*), которые в своем большинстве употребляются в переносном значении. Как известно, существительные с абстрактным значением представляют собой имена нематериальных сущностей (идей), которые важны для обеспечения интеллектуально-

духовной жизни человека. Данный класс существительных относят к категории признаков имен, выступающих носителями характеризующего значения (Телия, 2002, с. 336). В рассматриваемых предложениях признаковые имена характеризуют говорящего как носителя коллективной идентичности, а также группу людей, неотъемлемой частью которой ощущает себя говорящий.

Как показало наше исследование, СП данного типа используются для активизации суждений о региональной (5%), профессиональной (1%), национальной (1%), идеологической (1%) идентичности британских политиков, которая имеет коллективный характер.

Как видно, наиболее востребованным данный тип СП оказался при оязыковлении суждений о региональной идентичности парламентариев. Доля таких предложений составляет 37,5% в группе предложений, вербализующих соответствующее суждение. Характерной особенностью анализируемых предложений является то, что в 30% из них в позиции предикатива содержится абстрактное существительное *home*. Анализ словарных дефиниций данной лексемы показывает, что она является носителем целого ряда значений, поэтому для уточнения ее смысловой характеристики необходимо обратиться к контексту. Контекстуальный анализ лексемы *home* позволяет заключить, что в анализируемом материале эта лексема реализует значение «уникальное место происхождения, создания, распространения чего-либо». В то же время представляется, что в рассматриваемых предложениях актуализируется и другое значение данной лексемы: «место рождения или проживания, к которому принадлежит человек», а также реализуются дополнительные, эмоционально-оценочные смыслы, такие как «исключительность, особенность региона», «чувство гордости за регион», «чувство сопричастности к знаменательным событиям, произошедшим в регионе».

Fay Jones: *We are home to world-class cultural festivals such as Brecon Jazz, the Green Man festival and, indeed, the Hay literary festival.* / Мы являемся родиной культурных фестивалей мирового уровня, таких как джазовый фестиваль в Бреконе, фестиваль «Грин Мэн» и, конечно, литературный фестиваль «Хей».

Представляется, что лексемы характеризующей семантики, подобные *home*, и местоимение с нечеткой референцией *we*, лежащие в основе предложений данного типа, не позволяют однозначно интерпретировать объективируемую информацию без помощи контекста. В результате этого предъявляемая характеристика личности говорящего как носителя идентичности представляется адресату весьма неопределенной.

Субстантивные предложения типа «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{concrete-inanimate})»

Относительно редки в изучаемом материале конструкции типа «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{concrete-inanimate})». Они составляют 2,5% в общем числе проанализированных единиц. В предикативной позиции в данных предложениях зафиксированы существительные нарицательные, исчисляемые, конкретные, неодушевленные, которые употребляются в переносном значении (*product/продукт, magnet/магнит, market/рынок, beacon/маяк, slice/ломтик*).

Данная структура используется для активизации информации о региональной (2%) и национальной (0,5%) идентичности парламентариев, которая носит коллективный характер.

Наиболее свойственен рассматриваемый тип СП вербализации суждений о региональной идентичности парламентариев. В доле предложений, активизирующих соответствующее суждение, количество таких СП составляет 17,5%. Для существительных, занимающих предикативную позицию в данных структурах, характерен метафорический перенос значения.

Nicola Richards: *We are our own distinct slice of the Black Country bordering Birmingham, and we are proud of it.* / Мы – отдельный ломтик «Черной страны», граничащий с Бирмингемом, и мы гордимся этим.

Как иллюстрирует данный пример, метафоры, будучи средством создания речевой выразительности, служат в анализируемых СП для экспрессивной характеристики региона, который политик представляет в парламенте, и его жителей. Благодаря метафорическому значению обсуждаемых лексем и нечеткой референции местоимения *we*, лежащих в основе структур данного типа, личность самого говорящего как носителя идентичности отступает на задний план, его свойства и характеристики выглядят «размытыми».

Субстантивные предложения типа «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{proper})»

Наименьшую долю в общем объеме эмпирического материала составляют структуры «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{proper})» (0,5%). В функции предикатива в данных предложениях зарегистрированы имена собственные, предназначенные для того, чтобы индивидуализировать объекты действительности и отличать их от других объектов. Обсуждаемый тип СП используется при оязыковлении суждений о региональной идентичности парламентариев, которая носит коллективный характер. Процентное содержание подобных СП в количестве предложений, объективирующих соответствующее суждение, составляет 2,5%.

Alyn Smith: *We truly are Scotland in miniature.* / Мы – поистине Шотландия в миниатюре.

Ввиду того, что данный тип СП составляет незначительную долю в общем объеме материала, более детальный анализ таких СП в рамках настоящего исследования не проводится.

Тип субстантивного предложения и характер сведений об идентичности

В целом проведенный анализ показал, что реализация каждого из пяти рассмотренных типов СП связана с вербализацией определенных сведений о личности говорящего из структуры его идентичности: сведений, относящихся к тому или иному аспекту его идентичности, характеру идентичности и темпоральной проекции идентичности. Данная взаимосвязь отражена в Таблице 1. В 1 столбце таблицы представлена доля СП

указанного типа в общей выборке; в 2 столбце в скобках отмечена доля СП указанного типа, реализующих суждения о соответствующем аспекте идентичности, в общей выборке; без скобок – доля структур указанного типа в количестве СП, представляющих суждения о соответствующем аспекте идентичности; в 3 и 4 столбцах за 100% принимается количество СП указанного типа, с помощью которых реализуются суждения о соответствующем аспекте идентичности. Условные обозначения, принятые в таблице, следующие: Л – личностная идентичность; К – коллективная идентичность; Р – ретроспективная проекция идентичности; О – оперативная проекция идентичности; П – проспективная проекция идентичности; Р + О – ретроспективная и оперативная проекции идентичности.

Таблица 1. Корреляция между выбором того или иного типа СП и активизацией определенных сведений из структуры идентичности

Тип субстантивного предложения	Основные аспекты идентичности	Характер идентичности	Темпоральная проекция идентичности
«S (Pr _{pers-l/we}) + P (Vf _{cop-be/become} + N _{concrete-animate})» – 70%	профессиональная – (32%) 91%	Л – 89% К – 2%	Р – 54% О – 32% Р + О – 5%
	идеологическая – (19%) 85%	Л – 80% К – 5%	Р – 9% О – 70% Р + О – 6%
	сочетание различных аспектов – (8%) 89%	Л – 89%	Р – 3% О – 86%
	возрастная – (4%) 93%	Л – 86% К – 7%	Р – 93%
«S (Pr _{pers-we}) + P (Vf _{cop-be} + N _{collective})» – 19%	национальная – (9,5%) 71%	К – 71%	Р – 10% О – 59% П – 2%
	региональная – (4%) 30%	К – 30%	Р – 7,5% О – 22,2% П – 0,3%
«S (Pr _{pers-we}) + P (Vf _{cop-be} + N _{abstract})» – 8%	региональная – (5%) 37,5%	Л – 0,3% К – 37,2%	О – 37,5%
«S (Pr _{pers-we}) + P (Vf _{cop-be} + N _{concrete-inanimate})» – 2,5%	региональная – (2%) 17,5%	К – 17,5%	О – 17,5%
«S (Pr _{pers-we}) + P (Vf _{cop-be} + N _{proper})» – 0,5%	региональная – 0,5%	К – 0,5%	О – 0,5%

Как следует из Таблицы 1, с помощью СП типа «S (Pr_{pers-l/we}) + P (Vf_{cop-be/become} + N_{concrete-animate})» в большинстве случаев активизируются суждения о профессиональной и идеологической идентичности британских политиков. Суждения о других аспектах идентичности объективируются данными структурами реже. Как видим, использование рассматриваемой группы СП связано прежде всего с активизацией информации о личностной идентичности парламентариев, извлекающейся из оперативной или ретроспективной проекций идентичности. При реализации суждений об идеологической идентичности, а также о нескольких аспектах идентичности актуализируется содержание оперативной проекции идентичности говорящего. Суждения о возрастной идентичности субъекта эксплицируются исключительно из ретроспективной проекции. При оязыковлении суждений о профессиональной идентичности для говорящего в большей степени важны сведения из ретроспективной, нежели из оперативной проекции идентичности.

Судя по данным Таблицы 1, предложения типа «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{collective})» преимущественно используются при оязыковлении суждений о национальной и региональной идентичности субъектов. С помощью данных структур репрезентируются сведения о коллективной идентичности британских политиков, извлекаемые из оперативной проекции идентичности.

Как показано в Таблице 1, структуры «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{abstract})», «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{concrete-inanimate})» и «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{proper})» используются в качестве средств выражения суждений о региональной идентичности членов парламента, специализируясь на вербализации информации о коллективной идентичности, извлекаемой из оперативной проекции.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В результате семантико-структурного анализа английских субстантивных предложений, посредством которых британские политики вербализуют суждения о своей идентичности в парламентском дискурсе, выделено пять типов субстантивных предложений с различными семантико-структурными характеристиками: (1) «S (Pr_{pers-l/we}) + P (Vf_{cop-be/become} + N_{concrete-animate})», (2) «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{collective})», (3) «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{abstract})», (4) «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{concrete-inanimate})» и (5) «S (Pr_{pers-we}) + P (Vf_{cop-be} + N_{proper})».

Установлено, что каждый из проанализированных типов предложений специализируется на объективации определенных сведений об идентичности британских политиков. Структуры (1) преимущественно используются для объективации информации о профессиональной и идеологической идентичности личностного характера, структуры (2) – о национальной идентичности коллективного характера, структуры (3), (4), (5) – о региональной идентичности коллективного характера.

В результате специфического взаимодействия лексической и грамматической семантики, лежащей в основе выделенных типов предложений, с их помощью у адресата формируется разное представление о говорящем как о носителе идентичности. При актуализации предложений типа (1) говорящий выступает как репрезентант определенной категории людей со всеми присущими данной категории признаками и свойствами. При реализации предложений типа (2) говорящий предстает как единое целое с сообществом людей, обладающих одинаковыми качествами. При использовании структур (3), (4), (5), которые служат для характеристики группы лиц, включающей говорящего, объективируемые свойства личности самого говорящего как носителя идентичности представляются адресату весьма неопределенными.

Наиболее репрезентативными типами субстантивных предложений в изучаемом материале оказались структуры (1). Данная тенденция, очевидно, обусловлена тем, что именно эта разновидность обсуждаемых предложений в наибольшей степени способствует решению когнитивных и коммуникативных задач британских политиков в парламентской среде, т. к. позволяет им объективировать необходимые сведения, относящиеся к идентичности, репрезентируя их в нужном ракурсе. Широко представлены в парламентском дискурсе и предложения типа (2). В меньшей степени востребованы в парламенте Великобритании структуры (3) и (4). Наименее репрезентативными в изучаемом материале оказались структуры типа (5), которые, очевидно, в наименьшей степени соответствуют задачам британских парламентариев.

Перспективу дальнейшего исследования может составить более детальное изучение синтаксических структур, с помощью которых объективируются суждения о коллективной идентичности субъектов.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
2. Березина О. А. Подходы к семантике предложения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 11.
3. Бражникова И. Е. Национальная идентичность и ее языковая репрезентация в мексиканском лингвокультурном пространстве // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 1.
4. Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: ВГУ, 2007.
5. Гришаева Л. И. Особенности коллективной идентичности субъекта познания и коммуникации как фактор выбора средств и способов реализации коммуникативных стратегий // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54).
6. Дашкова В. Н. Когнитивные основы субстантивной собирательности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (122).
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: УРСС, 2010.
8. Калинина Л. В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 3.
9. Катанова Е. Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов): автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2009.
10. Кобрин Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.
11. Копоть Л. В. Реализация этнической идентичности в медиадискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1.
12. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
13. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. М.: Языки славян. культуры, 2004.
14. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013.
15. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4.
16. Пивненко Б. А. Прилагательное в функции предикативного члена в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1956.
17. Половянкина Н. В. Особенности конструирования гендерной идентичности в современном политическом медиадискурсе Германии (на примере прозвищных наименований женщин-политиков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 8.
18. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957.

19. Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
20. Ширяева Т. А., Триус Л. И., Багрян А. Ю. Парламентский дискурс: социокультурные практики и языковое воплощение: монография. Казань: Бук, 2020.
21. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971.
22. Dijk T. A. van. Political Identities in Parliamentary Debates // European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices / ed. by C. Ilie. Amsterdam: John Benjamins, 2010.
23. Givón T. N. On Understanding Grammar. N. Y.: Academic Press, 1979.
24. Kleinke S., Bös B. Indeterminate Us and Them. The Complexities of Referentiality, Identity and Group Construction in a Public Online Discussion // The Discursive Construction of Identities On- and Offline / ed. by B. Bös, S. Kleinke, S. Mollin, N. Hernández. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2018.
25. Leech G. N. Meaning and the English Verb. L.: Longman, 1971.
26. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1988.
27. Wodak R., De Cillia R., Reisigl M. The Discursive Construction of National Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

Информация об авторах | Author information

Кукшинова Елена Николаевна¹, к. филол. н.

¹ Филиал Ростовского государственного университета путей сообщения в г. Воронеже

Elena Nikolayevna Kukshinova¹, PhD

¹ Voronezh Branch of Rostov State Transport University

¹ elnik-k@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.06.2024; опубликовано online (published online): 29.07.2024.

Ключевые слова (keywords): идентичность британских политиков; вербализация суждения об идентичности субстантивным предложением; семантико-структурные типы субстантивных предложений; британский парламентский дискурс; British politicians' identity; verbalization of identity judgement with a substantive sentence; semantic-structural types of substantive sentences; British parliamentary discourse.